

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Касательно «Конституционно-правовой позиции по защите конституционного строя», принятой Конституционным Судом Республики Беларусь 25 августа 2020 года.

25 августа 2020 года Конституционный Суд Республики Беларусь (далее – КСРБ) принял документ, озаглавленный «Конституционно-правовая позиция по защите Конституционного строя» (Конституционно-правовая позиция по защите конституционного строя, <http://www.kc.gov.by/document-67563>) (далее – Позиция). Данный документ состоит из преамбулы (имена судей, утвердивших Позицию, т.е. всех судей КСРБ, а также ссылка на конституционные и правовые основания для принятия данного документа), за которым следуют 4 коротких абзаца (весь документ занимает 2 страницы).

Поскольку КСРБ ссылается, в частности, на ст. 44 и 45 Закона «О конституционном судопроизводстве», регулирующие место и порядок проведения пленарных судебных заседаний КСРБ, следует предположить, что Позиция была принята на пленарном заседании КСРБ как официальный акт этого Суда. Однако сама позиция не касается слушания какого-либо дела (юридический спор между любыми сторонами); следовательно, можно также предположить, что КСРБ официально принял данную Позицию по собственной инициативе, т.е. без каких-либо формальных или официальных запросов другого государственного органа или иного лица. Конечно, это не исключает возможности, что КСРБ принял данную Позицию по неофициальной просьбе, с целью согласованности действий с другими государственными органами, включая: 1) Генеральную прокуратуру, которая 19 августа 2020 года возбудила уголовное дело по факту создания и деятельности Координационного Совета (<http://prokuratura.gov.by/ru/info/novosti/nadzor-za-ispolneniem-zakonodatelstva/v-inykh-sferakh/po-faktu-sozdaniya-i-deyatelnosti-koordinatsionnogo-soveta-vozbuzhdeno-ugolovnoe-delo/>), предварительно заявив, что создание таких органов, как Координационный Совет, не предусмотрено Конституцией, и их деятельность неконституционна, а также, что деятельность Координационного совета якобы направлена на захват государственной власти; 2) Центральную избирательную комиссию, которая 14 августа 2020 года утвердила результаты президентских выборов от 9 августа 2020 г. без рассмотрения массовых жалоб относительно несправедливости избирательного процесса и фальсификации результатов голосования (например, см. Обращения Центральной избирательной комиссии от 8, 9, 14 и 17 августа 2020 г. (<http://www.rec.gov.by/sites/default/files/pdf/2020/otvet7.pdf>, <http://www.rec.gov.by/sites/default/files/pdf/2020/otvet8.pdf>, <http://www.rec.gov.by/sites/default/files/pdf/2020/inf9.pdf>, <http://www.rec.gov.by/ru/novosti/14-08-2020-zasedanie-centralnoy-komissii>, <http://www.rec.gov.by/ru/novosti/17-08-2020-otvet-na-obrashcheniya-nosyashchie-massovyy-harakter>); 3) Верховный Суд, который за день до принятия данной Позиции (т.е. 24 августа 2020 г.) отклонил требования о проверке и аннулировании результатов президентских выборов (т.е. об объявлении

недействительности выборов путем отмены противоположных решений Центральной избирательной комиссии) без рассмотрения жалоб и отказал в возбуждении производства по данному делу (например, определение судьи Верховного суда от 24 августа 2020 г. (одна страница) об отказе в возбуждении производства по делу по жалобе Тихановской). Последнее определение Верховного Суд говорит само за себя, подтверждая отсутствие реальной возможности оспорить результаты выборов в Беларуси: Верховный суд отказал в возбуждении производства по жалобе, приведя беспрецедентно абсурдный аргумент о том, что Верховный суд якобы не имеет полномочий признать выборы недействительными; данный вопрос якобы находится исключительно в компетенции Центральной избирательной комиссии, которая, в свою очередь, не приняла решение об объявлении выборов президента недействительными (остается только риторический вопрос, как противоположное решение Центральной избирательной комиссии может быть обжаловано).

Упомянутая выше Позиция КСРБ включает следующие положения:

1) определение Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция РБ) как общественного договора об устройстве общества и государства, системы государственной власти, отношений между людьми, обществом и государством; в качестве единственного вывода из этого определения, КСРБ подчеркивал обязательство строгого подчинения всех граждан и государственных органов Конституции (пункт 1);

2) цитата из ст. 3 Конституции РБ, согласно которой народ – единственный источник государственной власти и единственный носитель суверенитета, который осуществляется непосредственно, а также через представительные и другие государственные органы (пункт 2);

3) заявление (которое, по всей видимости, связано с приведенной выше цитатой статьи 3 Конституции РБ) о том, что 9 августа 2020 года народ Беларуси в соответствии с Конституцией и избирательном законодательством, основанном на конституционных принципах, выразил свободное волеизъявление посредством избрания г-на Лукашенко на должность Президента Республики Беларусь; равно как и то, что демократический характер и легитимность последних президентских выборов якобы могут быть подтверждены соблюдением принципов и норм Конституции РБ в избирательном процессе (пункт 2);

4) цитата некоторых положений ст. 4 и 5 Конституции РБ, о том, что демократия осуществляется на основе множества политических институтов, идеологий и взглядов, и что политические партии и ассоциации, действующие в соответствии с Конституцией РБ и действующим законодательством, способствуют выражению политической воли граждан (пункт 3);

5) заявление (которое, по-видимому, связано с последней цитатой из статей 4 и 5 Конституции РБ) о том, что РБ как «демократическое правовое государство» якобы обладает правовыми процедурами, в том числе включающими право на судебную защиту, а также защиту конституционных прав граждан в избирательном процессе (п. 3) процедурами, в том числе, посредством реализации права на судебную защиту, для защиты конституционных прав граждан в избирательном процессе (п. 3);

6) замечание КСРБ о том, что граждане являются субъектами конституционных

правовых отношений посредством выражения своей политической воли при формировании государственных органов управления, в том числе на выборах президента (пункт 4);

7) указание (которое, похоже, следует из последнего утверждения) КСРБ о том, что граждане должны учитывать, что согласно ст. 3 Конституции РБ любой акт, направленный на изменение конституционного строя или захват государственной власти насильственными средствами или путем иного нарушения законов, карается по закону (пункт 4);

8) заявление (которое, похоже, следует из предыдущего замечания и указания), что Конституция РБ не допускает создания общественных органов или ассоциаций, уполномоченных пересматривать результаты президентских выборов (пункт 4);

9) утверждение КСРБ (которое, кажется, следует из предыдущего заявления), о том, что создание Координационного Совета, который якобы преследует цель пересмотреть результаты президентских выборов от 9 августа 2020 года и который был создан в порядке, не предусмотренном Конституцией и избирательным законодательством, является неконституционным (пункт 4);

10) заявление КСРБ о том, что в настоящее время соблюдение режима конституционной законности - безусловное требование к деятельности всех субъектов социальных и политических отношений и всех граждан, в целях противодействия «деструктивному воздействию» на стабильность и суверенитет государства, гражданский мир и конституционный строй (пункт 4).

Таким образом, можно выделить *два основных положения* данной Позиции:

- подтверждение легитимности официально объявленных результатов Президентских выборов от 9 августа 2020 года, основанных на якобы соблюдении Конституции РБ в избирательном процессе (пункт 2);

- объявление Координационного совета неконституционным органом, исходя из предположения о том, что он был создан для пересмотра результатов президентских выборов от 9 августа 2020 года, а также о том, что этот орган не предусмотрен Конституцией и якобы он был создан не в установленном порядке, предусмотренном Конституцией РБ и избирательным законодательством (п. 4).

Кроме того, п. 4 Позиции содержит предупреждение о том, что участие в деятельности Координационного Совета считается уголовно наказуемым. Как следствие, данная Позиция используется г-ном Лукашенко в качестве аргумента для отказа от диалога с Координационным Советом, а также правоохранительными органами в целях уголовного преследования членов Координационного Совета и иных лиц, вовлеченных в или связанных с его деятельностью.

Далее в данном Заключении рассматриваются вопросы определения правовых оснований для Позиции и сущностная совместимость двух его основных положений с Конституцией РБ.

Отсутствие законных оснований для принятия Позиции

В преамбуле Позиции упоминаются следующие положения Конституции РБ и законы как основа для принятия данной Позиции: ст. 116 Конституции РБ, ст. 6 Кодекса о судостроительстве и

статусе судей, упомянутые выше ст. 44 и 45 Закона о конституционном судопроизводстве. Представляется целесообразным исследовать перечисленные положения, с целью определения правовых оснований для принятия Позиции.

1. Ст. 116 Конституции РБ обеспечивает конституционную основу деятельности КСРБ.

Миссия КСРБ - контроль конституционности нормативных правовых актов. (ч. 1 ст. 116 Конституции РБ). Эта миссия раскрывается более подробно в функциях КСРБ, предусмотренных частями 4 и 6 ст. 116 Конституции РБ (пп. 2 и 3 этой статьи регулируют формирование КСРБ, ч. 5 - юридические последствия заключений КСРБ) и включает следующие функции:

1) по предложениям Президента, Палаты представителей, Совета Республики, Верховного Суда, Высшего Хозяйственного Суда, Совета Министров давать заключения о соответствии законов, декретов, указов Президента, международных договорных и иных обязательств Республики Беларусь Конституции и международно-правовым актам, ратифицированным Республикой Беларусь; о соответствии актов межгосударственных образований, в которые входит Республика Беларусь, указов Президента, изданных во исполнение закона, Конституции, международно-правовым актам, ратифицированным Республикой Беларусь, законам и декретам; о соответствии постановлений Совета Министров, актов Верховного Суда, Высшего Хозяйственного Суда, Генерального прокурора Конституции, международно-правовым актам, ратифицированным Республикой Беларусь, законам, декретам и указам; о соответствии актов любого другого государственного органа Конституции, международно-правовым актам, ратифицированным Республикой Беларусь, законам, декретам и указам (ч. 4 ст. 116 Конституции РБ).

2) по предложению Президента давать заключения относительно систематических или грубых нарушений палатами Парламента Конституции РБ (ч. 6 ст. 116 Конституции РБ).

Хотя некоторые из вышеупомянутых функций Конституционного суда вряд ли можно представить в демократическом государстве, управляемом верховенством права (например, такую как надзор за актами Верховного Суда, Высшего Хозяйственного суда (а также Генерального прокурора) на предмет их соответствия, например, декретам и указам Президента, а также размещение судебных актов в иерархической системе нормативных правовых актов). Даже те функции, которые установлены ч.ч. 4 и 6 ст. 116 Конституции РБ, не включают решение таких вопросов, как проверка или утверждение результатов выборов и оценка создания и деятельности общественных организаций и ассоциаций. Необходимо подчеркнуть, что решение этих вопросов (результаты выборов и конституционность ассоциаций) не следует из и не имеет отношения к основной миссии КСРБ, которая заключается (согласно ч. 1 ст. 116 Конституции РБ) в контроле конституционности правовых нормативных актов. Следует также отметить, что в некоторых странах, где конституционным судам предоставляются аналогичные полномочия (например, проверка легитимности парламентских и президентских выборов в Литве, подтверждение результатов парламентских и президентских выборов и решений относительно конституционности политических партий в Молдове), они напрямую предусмотрены конституцией как сочетание разновидностей дополнительных (внесудебных) функций и традиционных функций контроля конституционности

правовых актов (то же самое можно сказать о функции КСРБ по выявлению систематических или серьезных нарушений Конституции РБ палатами Парламента (ч. 6 ст. 116 Конституции РБ), с целью определения Президентом наличия основания для роспуска какой-либо палаты Парламента согласно ч. 2 ст. 94 из Конституции РБ).

Таким образом, можно прийти к основному выводу, что согласно Конституции РБ *КСРБ не обладает полномочиями принимать решения по таким существенным вопросам, как подтверждение результатов выборов и конституционности деятельности любого общественного органа или ассоциации*, включая Координационный Совет (т. е. КСРБ не имеет конституционных полномочий решать вопросы, поднимаемые перечисленными выше пунктами Позиции). Очевидно, что эти вопросы не относятся к компетенции (миссии) конституционного суда, хотя он и является органом контроля конституционности правовых (нормативных) актов. Также из Позиции ясно, что КСРБ не выполнял функцию проверки легитимности актов Верховного Суда и Центральной Избирательной Комиссии, которая могла бы усматриваться из формулировки ч. 4 ст. 116 Конституции РБ.

Следует отметить, что ч. 7 ст. 116 Конституции РБ, в соответствии с которой полномочия, организация и процедуры, регулирующие деятельность КСРБ, должны быть установлены законом, не может рассматриваться в качестве конституционного основания для расширения полномочий КСРБ. *Конституционный суд не может быть законом наделен полномочиями, которые по сути отличаются от предусмотренных конституцией*. Это общепринятая практика демократических государств с верховенством права. Кстати, это же правило подтверждается в ст. 7 Конституции РБ, провозглашающей принцип верховенства права (ч. 1), согласно которому государственные органы и должностные лица могут осуществлять свою деятельность только в пределах, установленных Конституцией и принятыми в соответствии с ней актами законодательства (ч. 2). Следовательно, в соответствии с Конституцией, законодатель не имеет свободы действий расширять законом полномочия КСРБ, установленные Конституцией. Часть 6 ст. 116 Конституции РБ можно рассматривать только как уполномочивающую законодателя более детально регулировать организацию деятельности КСРБ, в том числе процедуру осуществления его конституционных полномочий (законом КСРБ могут быть предоставлены только те права и полномочия, которые согласуются с конституционными полномочиями КСРБ и вытекают из них).

Второй важный вывод состоит в том, что с процессуальной точки зрения ст. 116 также не может рассматриваться как конституционная основа для принятия Позиции. Статья 116 предусматривает единственную форму актов КСРБ - *заключение* о конституционности (легитимности) оспариваемых правовых актов и оценка деятельности палат Парламента. В дополнение к этому ст. 116 Конституции РБ предусматривает *исчерпывающий перечень субъектов*, которые могут обращаться в КСРБ (Президент, Палата представителей, Совет Республики, Верховный суд, Высший хозяйственный суд, Совет Министров). Таким образом, согласно ст. 116 *КСРБ не имеет права принимать по собственной инициативе такие акты, как данная Позиция*, т.е. у него нет конституционных полномочий выражать, когда он считает необходимым, какую-либо позицию по актуальным конституционным, правовым и политическим вопросам.

Следует отметить, что Позиция не может рассматриваться как акт интерпретации Конституции. В отличие от некоторых других государств (например, Молдовы или Украины) Конституция РБ не наделяет КСРБ конкретными полномочиями по принятию актов, которые интерпретируют Конституцию. Более того, право принимать акты по официальному толкованию Конституции предоставляется Совету Республики, который представлен верхней палатой Парламента (ст. 98 (1) РБ Конституции). Фактически, Позиция не дает интерпретации Конституции РБ (за исключением, пожалуй, утверждения о том, что Конституция является общественным договором). Как уже упоминалось, документ содержит цитаты некоторых положений ст. 3, 4 и 5 Конституции РБ. Он также включает декларации политического, а не юридического содержания, поскольку они более типичны для деятельности политических органов (например, акцент на необходимости противодействия «деструктивному воздействию», якобы вызванному действиями, направленными на пересмотр результатов президентских выборов, на стабильность и суверенитет государства, гражданский мир и конституционный строй).

Наконец, приняв Позицию, КСРБ совершил действие *с превышением полномочий*, то есть фактически превысил свои конституционные полномочия. Следовательно, *ст. 116 Конституции РБ не может служить конституционным (правовым) основанием для принятия данной Позиции*. С точки зрения Конституции РБ, Позицию также можно расценивать как *политический акт* (выражение позиции по текущей политической и правовой ситуации в Государстве) , неконституционно совершенный КСРБ.

2. Ст. 6 Кодекса о судостроительстве и статусе судей, среди прочего, определяет цель деятельности КСРБ следующим образом: защищать конституционный строй, права и свободы человека и гражданина, гарантированные Конституцией, обеспечивать верховенство Конституции и ее непосредственное действие, соответствие нормативных правовых актов государственных органов Конституции, утверждение законности в нормотворчестве и правоприменении, решение иных вопросов, предусмотренных Конституцией, настоящим Кодексом и иными законодательными актами (часть1).

Следует подчеркнуть, что это положение ст. 6 Кодекса о судостроительстве и статуса судей, включая главную цель функционирования КСРБ - охранять конституционный порядок, права и свободы человека и гражданина, обеспечивать верховенство Конституции, - не может толковаться в отрыве от конституционных полномочий КСРБ, а также других положений Кодекса о судостроительстве и статусе судей, определяющих миссию и компетенцию КСРБ. Цели деятельности КСРБ, включая защиту конституционного строя, конституционных прав и свобод, верховенство Конституции, должны достигаться в пределах полномочий КСРБ, установленных Конституцией РБ. Это общепризнанное правило и практика демократических государств, управляемых верховенством права. Также общеизвестно в конституционном и публичном праве, что органы государственной власти, включая суды, не могут определять самостоятельно свои полномочия в соответствии с правилом *«все, что не запрещено, - разрешено»* (данная максима применима к частным отношениям). Полномочия государственных органов вытекают из конституционных положений, которые выражены прямо и только в редких случаях не проявляются явно, но, тем не менее, эти полномочия должны быть

установлены Конституцией. В частности, Конституция должна быть источником любых полномочий Конституционного суда. Если интерпретировать документ иначе, то принцип верховенства права, который также установлен ст. 7 Конституции РБ, провозглашающей, что государственные органы и должностные лица могут осуществлять свою деятельность только в пределах, установленных Конституцией и законами, принятыми в соответствии с Конституцией, становится бессмысленным. Кроме того, отличительной чертой судебной власти является то, что ее миссией является *управление правосудием* путем разрешения юридических споров, в том числе конституционных; следовательно, судебная власть должна быть сформирована на профессиональной основе и отделена от политической власти. В отличие от политических органов управления, судебная власть не обладает дискреционным правом формировать собственную повестку дня, т.е. выбирать вопросы для урегулирования, не получив ходатайства от какой-либо стороны в споре. В противном случае, если бы судебная власть имела такие полномочия, она могла бы уподобиться или даже стать одной из ветвей политической власти.

В свете данных соображений, ст. 6 Кодекса о судостроительстве и статусе судей *не может толковаться как предоставляющая КСРБ полномочия принимать по собственной инициативе, когда он считает это необходимым для достижения своей цели, любые акты по любому вопросу*. Как уже упоминалось ранее, Конституция РБ (статья 116) не предусматривает правомочность КСРБ подтверждать результаты президентских выборов или признавать неконституционным создание и деятельность Координационного Совета (негосударственного общественного органа), равно как и возможность КСРБ по собственной инициативе, без запроса компетентных органов (государственные органы, указанные в частях 4 и 6 статьи 116 Конституции), принимать такие акты как данная Позиция, которая выражает мнение КСРБ по актуальным конституционным, правовым и политическим вопросам. Такой акт КСРБ также не предусмотрен ст. 6 Кодекса о судостроительстве и статусе судей. Следовательно, оценка Позиции как политического, а не правового акта остается неизменной.

Более того, ст. 6 Кодекса о судостроительстве и статусе судей может быть интерпретирована вместе с другими соответствующими положениями того же Кодекса. В статье 5 указанного Кодекса, КСРБ определяется как *орган судебного контроля за конституционностью нормативных правовых актов*, осуществляющий судебную власть посредством конституционного судопроизводства. Таким образом, цель КСРБ, определенная в ст. 6 Кодекса, не может находиться за пределами миссии КСРБ, определенной в ст. 5 Кодекса, т.е. КСРБ не может иметь дискреционных полномочий, чтобы действовать вне пределов своей миссии по контролю за конституционностью нормативных правовых актов посредством конституционного судопроизводства.

Статья 22 Кодекса также релевантна, так как она определяет *полномочия КСРБ*. По сравнению со ст. 116 Конституции РБ, ст. 22 Кодекса о судостроительстве и статусе судей значительно *расширяет полномочия КСРБ*. Оставляя в стороне вопрос конституционности такого расширения полномочий, необходимо отметить, что ст. 22 Кодекса, расширяя полномочия КСРБ, *не предусматривает наличие права у КСРБ принимать по собственной инициативе такие акты, как Позиция*. В

дополнение к конституционным полномочиям, ч. 3 ст. 22 Кодекса наделяет КСРБ полномочиями осуществлять предварительный конституционный контроль законодательных актов и международных договоров, выявлять факты систематических или грубых нарушений законодательства местными Советами депутатов, давать официальное толкование декретов и указов Президента по вопросам конституционных прав, свобод и обязанностей, выражать отношение к законодательным актам иностранных государств и международных организаций, затрагивающих интересы РБ, в части соблюдения общепризнанных принципов и норм международного права, проводить проверку конституционности определенных президентом направлений нормотворческой деятельности и правоприменительной практики судов, правоохранительных и других государственных органов, принимать решения об устранении правовых пробелов, коллизий и правовой неопределенности в нормативных правовых актах; принимать ежегодные послания Президенту Республики Беларусь и палатам Национального собрания Республики Беларусь о состоянии конституционной законности, осуществлять иные полномочия в соответствии с законодательными актами. Как следует из ч. 3 ст. 22 Кодекса (и прямо предусмотрено ч. 2 ст. 24 Кодекса, в соответствии с которой КСРБ должен принимать решения по вопросам, указанным в ч. 3 ст. 22 Кодекса), все такие вопросы должны решаться путем принятия *решения*, т.е. помимо заключений, которые должны приниматься по вопросам конституционных полномочий (по вопросам, отнесенным к компетенции КСРБ Конституцией), Кодекс устанавливает иную форму актов КСРБ – решения, которые должны приниматься по вопросам, относящимся к дополнительным полномочиям КСРБ, предусмотренным Кодексом. Таким образом, ст. 22 (часть 3) Кодекса о судостроительстве и статусе судей не наделяет КСРБ полномочиями для решения таких вопросов, как подтверждение результатов выборов и оценка конституционности деятельности общественных органов и объединений, и не наделяет КСРБ полномочиями принимать по собственной инициативе собственные акты в форме позиций по актуальным в настоящее время конституционным, правовым и политическим вопросам.

В данном контексте следует отметить, что согласно ст. 24 Кодекса КСРБ может принимать *акты пяти видов*: заключения (по вопросам конституционных полномочий), решения (по вопросам дополнительных полномочий, предоставленных Кодексом), определения (по процессуальным и иным нематериальным вопросам конституционного судопроизводства), запросы и представления (по вопросам, адресованным другим государственным органам, организациям и должностным лицам). Таким образом, по законодательству *такой формы нормативного акта КСРБ как Позиция не существует*. Следовательно, принимая данную Позицию, КСРБ также нарушил ст. 24 Кодекса о судостроительстве и статусе судей.

Кроме того, помимо вышеописанного несоответствия требованиям по существу и форме актов КСРБ, принятие данной Позиции может рассматриваться как нарушение ч. 7 ст. 22 Кодекса о судостроительстве и статусе судей, в соответствии с которой КСРБ запрещается изложение своей позиции по вопросам, которые могут стать предметом рассмотрения в соответствии с конституционным судопроизводством. Согласно Конституции РБ (п. 4 ст. 116) КСРБ наделён полномочиями оценивать конституционность актов любого государственного органа, в том числе

Верховного Суда (указано непосредственно), Генерального прокурора (указано) и Центральной избирательной комиссии. Таким образом, приняв данную Позицию, КСРБ заранее выразил свою позицию относительно законности президентских выборов и деятельности Координационного Совета, т.е. по вопросам, которые теоретически могут быть косвенно адресованы КСРБ, если конституционность соответствующих актов Верховного суда, Генерального прокурора или Центральной избирательной комиссии будет опротестована.

Наконец, *ст. 6 Кодекса о судостроительстве и статусе судей не может служить законным основанием для принятия Позиции КСРБ*, и, в частности, основных пунктов Позиции об утверждении результатов президентских выборов и заявлении о неконституционности Координационного Совета.

3. Статьи 44 и 45 Закона о конституционном судопроизводстве: первая предусматривает определение места проведения пленарных судебных заседаний КСРБ (обычно постоянное местонахождение КСРБ, если КСРБ не решит иначе); статья 45 регулирует порядок проведения пленарных судебных заседаний КСРБ (например, вход судей в зал судебных заседаний, обязательство участников процесса обратиться к суду по правовым положениям, их право определять ход судопроизводства), но речь даже не идет о принятии КСРБ какого-либо акта.

Очевидно, что положения ст. 44 и 45 Закона о конституционном судопроизводстве носят *процессуальный характер*. Они не устанавливают полномочий КСРБ для принятия такого акта, как данная Позиция, которая не предусмотрена никакими конституционными или законодательными актами; данные статьи также не устанавливают полномочия КСРБ принимать решение о законности выборов или объединений. Стоит отметить, что, принимая данное Положение, *КСРБ не опирался ни на какие другие процессуальные нормы*, предусмотренные Законом о конституционном судопроизводстве, или, например, на общие правила рассмотрения дел и принятия судебных актов. Это можно объяснить тем фактом, что Закон регулирует только принятие заключений и решений (Статьи 74, 75 и т.д.) и других документов - определений, запросов и представлений (статья 89), т.е. только такие действия, которые предусмотрены ст. 24 Кодекса о судостроительстве и статусе судей. Кроме того, Позиция явно не является актом официального толкования заключения или решения КСРБ, следовательно, она не могла быть принята в соответствии с особым порядком принятия такого рода актов, предусмотренным ст. 81 Закона о конституционном судопроизводстве. Таким образом, принятие Положения не попадает в рамки процедуры или каких-либо конкретных процессуальных правил, установленных Законом о Конституционном судопроизводстве (Закон более подробно регулирует порядок рассмотрения дел и вопросов, отнесенных к компетенции КСРБ ст. 116 (ч. 4 и 6) Конституции РБ и ст. 22 (части 1, 2 и 3) Кодекса о судостроительстве и статусе судей. Это означает, что *принятие Позиции не может быть основано на каких-либо законодательных нормах о конституционном судопроизводстве*. Таким образом, такой акт КСРБ также может рассматриваться как нарушение статей 3 и 4 Закона о конституционном судопроизводстве (первая определяет сферу применения Закона как регулирование процедуры конституционного судопроизводства по делам, относящимся к компетенции КСРБ; вторая предусматривает принцип соблюдения законности в соответствии с которым КСРБ должен осуществлять конституционное

производство на основе Конституции РБ, Кодекса о судоустройстве и статусе судей, данного закона и других законодательных актов).

Таким образом, *ни ст. 44, ни ст. 45 Закона о конституционном судопроизводстве не обеспечивают никакой правовой основы для принятия данной Позиции.*

Сущностное несоответствие и несовместимость утвержденных итогов президентских выборов с Конституцией РБ

Как указывалось ранее, *первый основной пункт Позиции - это подтверждение результатов президентских выборов от 9 августа 2020 года* (п. 2 Позиции). Кроме того, что в соответствии с Конституцией и законами РБ КСРБ не обладает полномочиями принимать решение о действительности выборов (включая подтверждение результатов голосования), данный пункт Позиции можно также подвергнуть оценке в отношении его содержания.

Так, подтверждение результатов президентских выборов от 9 августа 2020 года выражается в двух утверждениях п. 2 Положения, а именно: 1) 9 августа 2020 белорусский народ в порядке, установленном Конституцией и основанном на конституционных принципах избирательном законодательстве, выразил свое свободное волеизъявление и избрал г-на Лукашенко Президентом Республики Беларусь; 2) демократичность и легитимность президентских выборов могут быть подтверждены соблюдением принципов и норм Конституции РБ в избирательном процессе. Оба утверждения могут рассматриваться как *голословное (или безосновательное) изложение фактов, так как они не обоснованы каким-либо аргументом или доказательством.*

КСРБ настаивает на существовании двух взаимосвязанных фактов, определяющих его решение о предполагаемой легитимности президентских выборов: *во-первых*, народ Беларуси свободно, путем демократических выборов избрал г-на Лукашенко на должность Президента РБ; *во-вторых*, Конституция РБ строго соблюдалась на протяжении всей избирательной кампании, включая процесс подсчета и определения результатов голосования. Однако *ни один из этих фактов никогда не был проверен КСРБ*; кроме того, они не были проверены Центральной Избирательной комиссией или Верховным судом. Принимая во внимание многочисленные известные, документально подтвержденные факты массовых ошибок в подсчете и фальсификаций результатов голосования, в действительности остается вне всякого сомнения тот факт, что официально объявленные (Центральной избирательной комиссией) результаты президентских выборов от 9 августа 2020 года *не отражают и искажают фактическую волю белорусского народа*; по этой же причине, не вызывает сомнений и тот факт, что принципы демократических выборов, в частности правила свободных и справедливых выборов (например, как предусмотрено и следует из статьи 65 Конституции РБ) были *грубо нарушены*. Следовательно, констатация факта в п. 2 Позиции относительно легитимности президентских выборов *не является объективной и представляет собой полную противоположность реальной ситуации*. Голословное заявление о предполагаемой легитимности не может узаконить несправедливые выборы.

То же самое можно сказать и о предшествующей данному утверждению цитате из ст. 3 Конституции РБ в п. 2 данной Позиции: простая уверенность в конституционном принципе о том, что народ - единственный источник государственной власти и единственный носитель суверенитета, который осуществляется непосредственно и через представительные и другие государственные органы, *не может изменить противоречащей этому утверждению реальной ситуации в случае фальсификации выборов*. Более того, другое релевантное заявление КСРБ, напоминающее интерпретацию фрагмента Конституции РБ, по сути является *фиктивным*: это утверждение о том, что РБ как «демократическое государство, основанное на верховенстве права» осуществляет юридические процедуры, в том числе через реализацию права на судебную защиту, для защиты конституционных прав граждан в избирательном процессе. Вышеупомянутый отказ Верховного суда от 24 августа 2020 года даже в возбуждении производства по делу по жалобе о пересмотре решения Центральной избирательной комиссии по результатам президентских выборов – самое очевидное доказательство обратного, т.е. на самом деле конституционная гарантия на судебную защиту конституционных прав путем оспаривания решений Центральной Избирательной комиссии является *фиктивной*.

Несостоятельность подтверждения КСРБ результатов президентских выборов следует рассмотреть в свете универсального принципа верховенства права, который также предусмотрен ст. 7 Конституции РБ, ч. 1 которой провозглашает, что «в Республике Беларусь установлен принцип верховенства права». В этой связи можно напомнить, что 13 сентября 2017 г. IV Конгресс Всемирной конференции по конституционному правосудию единогласно, включая участвующую делегацию КСРБ, принял *Вильнюсское Коммюнике*, в котором, среди прочего, говорится: «Несмотря на то, что принцип верховенства права интерпретируется в каждом государстве определенным образом, он, тем не менее, является краеугольным камнем каждой правовой системы в современном мире, которая неразрывно связана с демократией и защитой прав человека. Верховенство права - это общепризнанный принцип, неотделимый от Конституции. Как основополагающий конституционный принцип, он требует, чтобы право основывалось на определенных универсальных ценностях, поэтому они присущи любому конституционному вопросу».

Таким образом, современная концепция принципа верховенства права, которой придерживается КСРБ, соблюдается, является *сущностной (материальной)*, а не формальной: т.е. верховенство права означает не только формальное и буквальное соблюдение правовых актов, но и подразумевает защиту таких универсальных ценностей как демократия и права человека. Следовательно, необходимо признать, что формальный подход КСРБ к утверждению результатов президентских выборов, т.е. доверие (если таковое имеется) без какой-либо проверки и аргументации к (таким же формальным) решениям Центральной избирательной комиссии и Верховного Суда, *не соответствуют самой сути принципа верховенства права* (демократии и прав человека).

Таким образом, в заключение следует отметить, что, подтверждая результаты президентских выборов от 9 августа 2020 года, КСРБ действовал с нарушением принципа верховенства права, установленного частью 1 ст. 7 Конституции РБ, а также ряда других связанных с ней

конституционных положений, таких как: ст. 3 (часть 1), на который, как это ни парадоксально, ссылался КСРБ и который устанавливает принцип суверенитета народа; Ст. 1 (часть 1), которая определяет РБ как демократическое государство с верховенством права; Ст. 4 (часть 1), которая устанавливает плюралистическую демократию; Ст. 37 (часть 1), которая предусматривает право граждан принимать участие в управлении государством; Ст. 38, которая предусматривает право граждан на всеобщие и равные выборы; Ст. 60 (часть 1), которая устанавливает право на судебную защиту компетентным, независимым и беспристрастным судом; Ст. 65, устанавливающая принцип свободных выборов; Ст. 81 (часть 1), которая предусматривает, что Президент РБ должен избираться народом напрямую на основе всеобщего, свободного, равного избирательного права и тайного голосования. Более того, в нынешней ситуации признание результатов президентских выборов КСРБ следует расценивать как акт содействия Лукашенко в узурпации государственной власти, т.е. в смысле ч. 2 ст. 3 Конституции РБ - как акт, направленный на изменение конституционного строя и достижение государственной власти насильственными методами и путем других нарушений законов, что является наказуемо по закону.

Сущностное несоответствие Конституции РБ объявления неконституционности Координационного совета

Как уже указывалось ранее, *вторым основным пунктом* Позиции является *объявление неконституционности создания и деятельности Координационного совета* (п. 4 Позиции). Помимо отсутствия согласно Конституции и законам РБ полномочий у КСРБ принимать решения о конституционности общественных органов и объединений (включая в данном случае Координационный совет), данный пункт Позиции также может быть оценен с точки зрения его содержания. Как и в случае с первым пунктом Позиции о подтверждении результатов президентских выборов, стоит рассмотреть второй пункт об объявлении неконституционности Координационного совета с точки зрения как его соответствия фактическим обстоятельствам, так и его совместимости с верховенством права и соответствующими конституционными положениями. Несомненно, оба аспекта (фактическое соответствие и сущностная совместимость с Конституцией РБ) оценки заявлений КСРБ о неконституционности Координационного совета тесно взаимосвязаны.

Во-первых, что касается фактической основы заявления о неконституционности Координационного совета, *КСРБ не анализировал какие-либо документы или доказательства*, в том числе учредительные акты Координационного совета и причины его создания. Как следует из формулировки п. 4 Позиции, КСРБ пытается оправдать объявление неконституционности Координационного совета посредством констатации одним предложением факта о том, что Координационный совет якобы преследует цель пересмотра результатов президентских выборов и был создан в порядке, не предусмотренном Конституцией и избирательным законодательством РБ.

Между тем, *учредительные акты и обстоятельства создания Координационного совета не подтверждают это заявление КСРБ*. Согласно информации из официального заявления о миссии

Координационного совета (размещено на его сайте <https://rada.vision/>), Совет создан по инициативе г-жи Тихановской (ведущий кандидат от оппозиции на президентских выборах, которому было отказано в судебной защите по обжалованию решения Центральной избирательной комиссии), *как единый представительный орган белорусского народа, имеющий цель преодолеть политический кризис и обеспечить согласие в обществе, а также для защиты суверенитета и независимости Беларуси*. Подчеркивается, что Координационный совет осуществляет свою деятельность в соответствии с основополагающими принципами Конституции РБ, а также то, что он не преследует цели захвата государственной власти неконституционным путем и не призывает к действиям, нарушающим общественный порядок.

Кроме того, в *учредительной Резолюции Координационного совета* от 19 августа 2020 (<https://rada.vision/resolucyia>) более подробно излагаются причины создания Координационного совета, а также его цели и задачи. В Резолюции подчеркивается, что Координационный совет не ставит перед собой задачу изменить конституционный строй или внешнеполитический курс страны.

Резолюция от 19 августа 2020 года указывает следующие *причины создания Координационного совета*: многочисленные нарушения избирательного законодательства, зафиксированные во время президентских выборов 9 августа 2020 года; тысячи людей, задержанных и арестованных по политическим мотивам после начала избирательной кампании; неприемлемое насилие со стороны правоохранительных органов в отношении участников мирных акций протеста, которое привело к человеческим жертвам, и пытки задержанных; потеря общественного доверия к действующей власти, которое выражается призывом к отставке власти; непризнание официальных результатов президентских выборов от 9 августа 2020 г. многими иностранными государствами.

Резолюция от 19 августа 2020 г. гласит, что *цель* (миссия) Координационного совета заключается в следующем: «восстановить статус Республики Беларусь как демократического государства, управляемого на основе верховенства права». Для достижения этой цели Резолюция выделяет *следующие цели*, которые были сформулированы как основные требования, выраженные в ходе массовых демонстраций и поддержанные большинством белорусского общества: 1) прекратить политические преследования граждан властями и привлечь к ответственности виновных в этом преследовании; 2) освободить всех политзаключенных, а также отменить соответствующие незаконные судебные решения и выплатить компенсацию всем потерпевшим; 3) признать недействительными президентские выборы от 9 августа 2020 года, а также провести новые президентские выборы в соответствии с международными стандартами и с вновь сформированными избирательными комиссиями, включая Центральную избирательную комиссию.

В Резолюции от 19 августа 2020 года далее излагается *позиция* Координационного Совета в отношении того, что единственный способ преодолеть политический кризис - это немедленно начать переговоры для разработки механизмов восстановления законности и проведения новых выборов; уклонение от переговоров с Координационным советом воспринимается как принятие на себя всей ответственности действующими властями за углубление политического и экономического кризиса.

В Резолюции от 19 августа 2020 года также говорится о намерении белорусского народа *продолжать реализацию гарантированных Конституцией РБ гражданских прав* до объявления повторных выборов, а также выполнение иных требований и соблюдение следующих прав: 1) право на работу и право на забастовку, запрет принудительного труда (ст. 41 Конституции РБ); 2) право на мирное собрание (ст. 35 Конституции РБ); 3) право на судебную защиту (ст. 60 РБ Конституции); 4) право на свободное выражение мнений и убеждений (ст. 33 РБ. Конституции); 5) право на получение полной и достоверной информации (ст. 34 Конституции РБ); 6) право распоряжаться своим имуществом (ст. 13 Конституции РБ).

Регламент (процедурные правила) Координационного совета (в поправке от 19 сентября 2020 г., <https://rada.vision/reglament>) повторяет, что Совет является единым представительным органом белорусского народа, созданным с целью преодоления политического кризиса и обеспечения согласия в обществе, а также защиты суверенитета и независимости Беларуси (п. 1). В Регламенте также повторяется, что Координационный совет осуществляет свою деятельность в соответствии с основополагающими принципами Конституции РБ, равно как и то, что Совет не преследует цели захвата государственной власти неконституционным путем и не призывает к действиям, нарушающим общественный порядок (пункт 1). Пункт 2 Регламента гласит, что члены Координационного совета признают факт недопустимых нарушений, совершенных в ходе избирательной кампании и при подсчете голосов, поданных на президентских выборах 9 августа 2020 года; в нем также говорится о позиции членов Совета не признавать официально объявленные результаты этих выборов, а также считать преступным насилие со стороны правоохранительных органов и требовать освобождения всех политических заключенных. Члены Координационного совета также заявили о своей готовности выразить четкую позицию гражданского общества в отношении событий в Беларуси (п. 3 Регламента).

Таким образом, принимая во внимание учредительные акты Координационного совета (Резолюцию от 19 августа 2020 г. и Регламент), а также публичное заявление о его миссии, Координационный совет можно охарактеризовать как общественный орган, *представляющий достаточно крупный сегмент населения* (если не подавляющее большинство белорусов), который *консолидирует гражданское общество* с особой целью – восстановить верховенство права и демократический конституционный строй, преодолев нынешний глубокий и беспрецедентный политический (и конституционный) кризис, вызванный явно несправедливыми и фальсифицированными президентскими выборами от 9 августа 2020 года, а также последующими политическими преследованиями и репрессиями против тех, кто не согласен с официально объявленными результатами этих выборов. Координационный совет, соответственно, преследует цели, *необходимые для достижения своей миссии*, таких как прекращение политических репрессий, объявление президентских выборов недействительными и проведение новых выборов, которые должны быть проведены в соответствии с международно-признанными демократическими стандартами. Координационный совет видит реализацию своей миссии и достижение целей *исключительно мирными средствами*, в соответствии с Конституцией РБ, представляя требования

людей путем диалога с властями и реализации конституционных прав и свобод, включая свободу выражения мнения, свободу собраний и право на забастовку.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что для народа Беларуси нет других доступных средств мирно высказывать свое мнение и требования к властям, кроме создания таких специальных общественных органов, как Координационный совет: как уже сказано, вопреки утверждению КСРБ в Позиции (п. 3), белорусский народ лишен средств судебной защиты своих конституционных прав в избирательном процессе (невозможно на практике обжаловать в независимом суде решение Центральной Избирательной комиссии об утверждении результатов президентских выборов и отклонение жалоб на данное решение). Следовательно, в контексте фиктивных конституционных гарантий и полного краха конституционного строя из-за отказа всех государственных учреждений, включая Центральную избирательную комиссию и Верховный суд, выполнять свои конституционные обязанности по защите демократических принципов выборов, создание и деятельность таких *временных общественных объединений*, как Координационный совет представляет собой *последнюю возможность мирной защиты гражданского общества* от произвола официальных государственных институтов.

Что касается конституционных основ деятельности, Координационный совет следует рассматривать как *временный общественный орган представительного характера*, созданный с целью выражения и реализации требования белорусского народа относительно восстановления демократического конституционного строя путем преодоления нынешнего глубокого политического и конституционного кризиса. Совет был создан во исполнение свободы объединений, гарантированной ст. 36 (ч. 1) Конституции РБ, направленной на реализацию конституционных прав народа Беларуси, в том числе права принимать непосредственное участие в решении государственных дел, поскольку это гарантировано ст. 37 ч. 1 Конституции РБ (последнее упомянутое конституционное право по логике включает право на справедливые выборы). С точки зрения ст. 4 (ч. 1) Конституции РБ, на которую парадоксально ссылается в Позиции КСРБ, Координационный совет следует рассматривать как *общественный орган, отражающий множественность политических институтов, идеологий и взглядов*, как важнейших элемент демократии; в то время как с точки зрения ст. 5 (ч. 1) Конституции РБ, которую КСРБ также парадоксально упоминает в Позиции, Координационный совет является *временным объединением, содействующим выражению политической воли граждан*.

В заключение следует отметить, что заявление КСРБ о неконституционности Координационного совета не является адекватным по нескольким причинам. Вопреки заявлению КСРБ, Координационный совет не преследует цели пересмотра итогов президентских выборов (которые, по оценке КСРБ, якобы прозрачны и отражают волю белорусского народа); *цель Координационного совета намного шире* – восстановить демократический конституционный строй путем преодоления нынешнего глубокого политического и конституционного кризиса. Наряду с другими целями, (например, прекращение политических репрессий против гражданского общества) Координационный совет добивается *объявления недействительности президентских выборов*, результаты которых существенно искажены и явно фальсифицированы; то есть у КСРБ нет

оснований для *чрезмерного упрощения целей Координационного Совета*. Опять же, вопреки заявлению КСРБ, Координационный совет был сформирован в соответствии с Конституцией РБ (как установлено выше, Координационный Совет был учрежден в соответствии с конституционной свободой объединений, в соответствии с положениями Конституции РБ, являясь временным объединением, содействующим выражению политической воли граждан и отражающим множественность политических институтов, идеологий и взглядов), тогда как *избирательное законодательство не может рассматриваться как правовое основание для создания и деятельности Координационного совета* (ввиду широкого охвата, наличия цели и миссии у Координационного совета, указанных выше, Совет не является субъектом избирательного процесса).

Более того, даже прочитав п. 4 Позиции, который подразумевает, что КСРБ рассматривает Координационный совет как субъект, деятельность которого должна быть запрещена в соответствии с ч. 2 ст. 3 Конституции РБ, как якобы направленная на изменение конституционного строя или захват государственной власти насильственными методами или путем других нарушений законов, ввиду отсутствия в Позиции доказательств или подтверждений этих фактов, невозможно обосновать такую характеристику Координационного совета. Напротив, как уже установлено из публичного заявления о миссии и учредительных актов Координационного совета, Совет видит реализацию своей миссии и целей исключительно мирными средствами и в соответствии с Конституцией РБ, т.е. не преследует цели захвата государственной власти через неконституционные средства. Таким образом, *есть веские основания сделать вывод, что КСРБ не предоставил каких-либо доказательств для квалификации фактической деятельности Координационного совета как не конституционной*.

Во-вторых, очевидные недостатки в поверхностной характеристике Координационного совета в определенной степени предопределяет дальнейшие недостатки в оценке КСРБ степени конституционности Координационного совета. Заявлению о неконституционности Координационного совета также предшествует заявление из одного предложения КСРБ о том, что якобы Конституция РБ не допускает образования общественных органов или организаций, уполномоченных пересматривать результаты президентских выборов (пункт 4 Позиции). Это утверждение кажется единственным аргументом, на основании которого КСРБ пытается оправдать заявление о неконституционности Координационного Совета.

Однако даже без проверки действительности этого утверждения КСРБ, состоящего из одного предложения, очевидно, что это *заявление не применимо к Координационному совету и, следовательно, не может служить аргументом, обосновывающим заявление о неконституционности деятельности Совета*: как уже упоминалось выше, Координационный совет не наделен полномочиями (не имеет полномочий) для пересмотра результатов президентских выборов, то есть Совет не принимает полномочия государственных органов в этой сфере. Вполне логично, что единственная цель Совета - добиться объявления недействительными явно несправедливых и фальсифицированных президентских выборов, что нельзя расценивать, как попытку наделения полномочиями по пересмотру результатов этих выборов. Таким образом, *КСРБ*

заявил о неконституционности Координационного совета без каких-либо веских конституционных аргументов.

Для дальнейшей оценки на предмет соответствия Конституции РБ второго пункта данной Позиции об объявлении неконституционным Координационного совета, необходимо подчеркнуть, что данное заявление КСРБ, в частности, в случае Координационного совета, неизбежно предполагает *ограничение (если не лишение) таких основных конституционных свобод, как свобода выражения мнения, собрания и ассоциации*, которые также лежат в основе демократического конституционного строя, ровно как и ограничение таких конституционных прав, которые стремился реализовать Координационный совет, как право на судебную защиту, право на получение исчерпывающей и достоверной информации, право на забастовку. Даже при отсутствии какой-либо аргументации, представленной КСРБ в связи с этим (кроме лозунга в п. 4 Позиции о необходимости противодействия «деструктивному воздействию» на стабильность и суверенитет государства, гражданский мир и конституционный строй), стоит проанализировать, *есть ли какие-либо конституционные основания для ограничения или лишения указанных выше конституционных прав и свобод в случае заявления КСРБ о неконституционности Координационного совета.*

Для ответа на этот вопрос релевантны несколько положений Конституции РБ:

1. Специальное положение ст. 5 ч. 3 Конституции РБ, запрещающей деятельность общественных объединений, направленных на насильственное изменение конституционного строя или пропаганду войны или социальной, этнической, религиозной или расовой ненависти. Как уже было установлено, Координационный совет выполняет свою миссию и реализовывает цели исключительно мирными средствами и в соответствии с Конституцией РБ. В частности, Совет подчеркивает, что у него нет цели изменить конституционный строй, а также Совет не преследует цели захвата государственной власти посредством неконституционных действий и не призывает к действиям, нарушающим общественный порядок. Нет причин приписывать Координационному совету такие виды деятельности, как пропаганда войны или социальной, этнической, религиозной или расовой ненависти. Таким образом, *ст. 5 (ч. 3) Конституции РБ не может служить конституционным основанием для заявления о неконституционности Координационного совета.*

2. Общее конституционное основание для ограничения прав человека и свободы, установленные ст. 23 (ч. 1) Конституции РБ, согласно которой «ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц». Таким образом, конституционная свобода объединений, в соответствии с которой был создан Координационный совет, а также другие конституционные свободы, такие как свобода выражения мнений и свобода собраний (и конституционные права, такие как право на судебную защиту, право на получение полной и достоверной информации, право на забастовку), к реализации которых стремится Координационный совет, *могут быть ограничены в интересах национальной безопасности и общественного порядка, включая защиту конституционного строя.*

Однако ст. 23 (ч. 1) Конституции РБ следует толковать в свете других соответствующих конституционных норм, таких как ст. 1 (часть 1), которая определяет РБ как демократическое правовое государство, и ст. 7 (часть 1), которая устанавливает верховенство права. Как уже было сказано, современная концепция принципа верховенства права включает в себя защиту таких общечеловеческих ценностей, как демократия и права человека. Следовательно, заинтересованность в национальной безопасности и общественном порядке, включая защиту конституционного строя, как основание для ограничения прав и свобод человека, *следует интерпретировать в узком смысле как защиту демократического конституционного строя, т.е. национальной безопасности демократического государства и общественного порядка в демократическом обществе*, а не в качестве интересов, основанных исключительно на субъективном восприятии безопасности и общественного порядка или восприятии государственных органов.

В частности, ст. 23 (ч. 1) Конституции РБ следует трактовать вместе со ст. 8 ч. 1 Конституции РБ, согласно которой РБ признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие своего законодательства этим принципам, и ст. 21 (ч. 3) Конституции РБ, которая обязывает государство гарантировать права и свободы граждан, как это предусмотрено международными обязательствами государства. В этой связи, по крайней мере два международно-правовых документа, кодифицирующих универсальные признанные принципы прав человека, актуальны. Первый из них - *Всеобщая декларация прав человека*, ст. 29 (пункт 2) которой провозглашает, что «при осуществлении своих прав и свобод, каждый подлежит только таким ограничениям, которые определены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и соблюдения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе». Вторым актуальным международно-правовым документом является *Международный пакт о гражданских и политических правах*, который также устанавливает необходимость учета в демократическом обществе критерия правомерности ограничения соответствующих прав и свобод человека: 1) ст. 22 (п.2) Пакта провозглашает, что никакие ограничения не могут быть наложены на осуществление права на свободу собраний, «кроме тех, которые предусмотрены законом и которые необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности или общественной безопасности, общественного порядка (*ordre public*), охраны здоровья или нравственности населения или защиты прав и свобод других»; 2) Ст. 21 Пакта провозглашает, что никакие ограничения не могут быть применены в отношении права на мирные собрания «кроме тех, которые налагаются в соответствии с законом и которые необходимы в демократическом обществе в интересах обеспечения национальной безопасности или общественной безопасности, общественного порядка (*ordre public*), охраны здоровья или нравственности населения или защиты прав и свобод других лиц.

Таким образом, согласно ст. 23 (ч. 1) Конституции РБ в трактовке ст. 8 (ч. 1) и ст. 21 (ч. 3) Конституции РБ, ограничения конституционных прав и свобод должны быть *совместимы и не должны быть более строгими, чем общепризнанные стандарты защиты прав человека, т.е. ст.*

8 (ч. 1) Конституции РБ подтверждает критерий необходимости в демократическом обществе легитимности ограничения конституционных прав и свобод.

После определения этого конституционного критерия на ограничение конституционных прав и свобод, представляется целесообразным напомнить цель и задачи, а также другие соответствующие характеристики Координационного совета. Как уже было установлено, деятельность Координационного совета призвана восстановить верховенство права и демократический конституционный строй, в то время как его цели включают: прекращение политических репрессий, признание недействительности президентских выборов и проведение новых выборов в соответствии с международно-признанными демократическими стандартами; создание и деятельность Координационного Совета представляют собой последнюю возможность мирной самозащиты гражданского общества, направленную против произвола официальных государственных институтов. Также было установлено, что с точки зрения ст. 4 ч. 1 Конституции РБ, Координационный совет следует рассматривать как общественный орган, отражающий множественность политических институтов, идеологий и взглядов, как важнейших элемент демократии; в то же время по ст. 5 ч. 1 Конституции РБ, Координационный Совет - это временное объединение, способствующее выражению политической воли граждан. Следовательно, *логично сделать вывод о том, что заявление о неконституционности Координационного совета, чья миссия - защищать мирными средствами конституционные права и свободы, верховенство права и демократию; последнее заявление КСРБ не соответствует конституционному критерию необходимости в демократическом обществе и, следовательно, не может быть оправдано целью защиты национальной безопасности и общественного порядка, включая демократический конституционный строй. По этим причинам ст. 23 (ч.1) Конституции РБ не может служить конституционным основанием для заявления о неконституционности Координационного совета.*

В заключение, объявив неконституционным Координационный совет, *КСРБ действовал с нарушением конституционных принципов верховенства закона и демократии*, установленных ст. 1 (ч. 1) и ст. 7 ч. 1 Конституции РБ, а также с нарушением ст. 5 (ч. 3) Конституции РБ, которая позволяет запрещать только общественные инициативы, направленные на насильственное изменение конституционного строя или пропаганду войны или социальной, этнической, религиозной или расовой ненависти, а также в нарушение ст. 23 (ч. 1), ст. 8 (ч. 1) и ст. 21 (ч. 3) Конституции РБ, которые в общем допускают ограничение конституционных прав и свобод для таких целей, которые необходимы в демократическом обществе, чтобы защищать национальную безопасность и общественный порядок. Кроме того, КСРБ также нарушил ряд иных конституционных положений, таких как: ст. 4 (ч. 1), которая устанавливает плюралистическую демократию, включая множественность политических институтов, идеологий и взглядов; ст. 5 (ч. 1), которая провозглашает, что общественные объединения способствуют выявлению и выражению политической воли граждан; ст. 5 (ч. 3), которая запрещает создание общественных объединений, направленных на насильственное изменение конституционного строя или ведение пропаганды войны или социальной, национальной,

религиозной или расовой ненависти; ст. 21 (ч. 1), в которой провозглашается обеспечение прав и свобод граждан, что является высшей целью государства; ст. 33 (ч. 1), что гарантирует свободу выражения мнений; ст. 35, гарантирующая свободу собраний; ст. 36 (ч. 1), которая гарантирует свободу объединений; ст. 37 (ч. 1), которая предусматривает право граждан на участие в управлении государством.

В данной связи можно упомянуть, что, как указано в преамбуле Всеобщей Декларации прав человека, «это необходимо, чтобы права человека охранялись властью закона в целях обеспечения того, чтобы человек не был вынужден прибегать, в качестве последнего средства, к восстанию против тирании и угнетения». В свете ст. 8 ч. 1 Конституции РБ, это международно-правовое положение еще раз подтверждает конституционность и легитимность учреждения и деятельности Координационного совета, как средства мирной самозащиты народа Беларуси от произвола государственной власти.

Заключение о неконституционности Позиции КСРБ

В заключение представляется целесообразным обозначить парадоксальность того, что КСРБ, конституционная миссия которого заключается в защите конституционного строя и верховенства Конституции, а также обеспечении верховенства права, приняв данную Позицию, сам *совершил явное и грубое нарушение Конституции РБ и базового принципа верховенства права*. Это подтверждается следующими аргументами.

Во-первых, принятие Позиции *не имеет конституционных или иных правовых оснований*. Позиция направлена на утверждение результатов президентских выборов от 9 августа 2020 г. и заявление о неконституционности Координационного совета. Однако Конституция (статья 116) РБ не наделяет полномочиями КСРБ ни в сфере урегулирования избирательных споров (включая проверку и подтверждение результатов голосования), ни в сфере контроля конституционности общественных органов или объединений. Такие полномочия не предоставляются КСРБ действующим законодательством, включая Кодекс о судостроительстве и статусе судей и Закон о конституционном судопроизводстве.

Более того, ни Конституция РБ, ни какой-либо иной закон, в том числе Кодекс о судостроительстве и статусе судей и Закон о конституционном судопроизводстве, не предоставляет КСРБ право принимать по собственной инициативе такой акт, как Позиция, которая является выражением позиции суда по актуальным конституционным, правовым и политическим вопросам, т.е. ни Конституция, ни какой-либо иной закон не предусматривают возможность и порядок принятия КСРБ акта такого содержания и формы.

Следовательно, с точки зрения Конституции РБ и действующего законодательства, принятие Позиции КСРБ рассматривается как *акт превышения полномочий*, превышающий полномочия, установленные Конституцией (ч. 4 и 6 ст. 116), Кодексом о судостроительстве и статусе судей (в частности, статьи 5, 6, 22, 24), Закон о конституционном судопроизводстве (в частности, его статьи 3, 4, 74, 75).

Во-вторых, если оценивать данный документ с точки зрения его содержания, первый основной пункт Позиции (п. 2) об утверждении результатов президентских выборов от 9 августа 2020 года основан на голословном изложении фактов о якобы свободе волеизъявления людей в Беларуси для избрания г-на Лукашенко и якобы неукоснительного соблюдения Конституции РБ в избирательном процессе, который происходит *без какой-либо проверки и обоснования*; между тем, заявление о легитимности президентских выборов *не соответствует и даже противоречит фактической ситуации*. Точно так же формальный подход КСРБ к подтверждению результатов президентских выборов, то есть опора (если таковая имеется) на формальные решения Центральной избирательной комиссии и Верховного суда, не соответствует самой сути принципа верховенства права (демократии и соблюдения прав человека).

В-третьих, если оценивать содержание документа, то второй основной пункт Позиции (п. 4) об объявлении неконституционности Координационного совета также несовместим с идеей принципа верховенства права (демократии и соблюдения прав человека). Опять же, как и в случае подтверждения результатов президентских выборов, КСРБ принял решение о неконституционности Координационного совета без изучения фактов и без предоставления каких-либо конституционных аргументов. Всего несколько голословных заявлений без предоставления каких-либо доказательств и аргументов не могут служить основанием для объявления вне закона какого-либо общественного органа или объединения в демократическом государстве с верховенством права, провозглашенным Конституцией РБ.

Что касается характеристики Координационного совета, КСРБ ограничился коротким заявлением о том, что якобы целью Совета является пересмотр итогов президентских выборов и что якобы Совет был создан не в соответствии с порядком, предусмотренным Конституцией РБ и избирательным законодательством. Помимо того, что данное заявление не обосновано какими-либо доказательствами, это утверждение также далеко от реальности, т.е. *не соответствует действительности*. Между тем, как следует из публичного заявления о миссии и его учредительных актов (Резолюция от 19 августа 2020 г. и Регламент) Координационный совет *является временным общественным представительным органом*, выражающим волю народа Беларуси, задачей которого является восстановление демократического конституционного строя путем достижения, используя исключительно мирные средства реализации таких конституционных свобод, как свобода выражения мнений и свобода собраний, следующих основных целей, необходимых для преодоления текущего глубокого политического и конституционного кризиса: положить конец политическим репрессиям против гражданского общества и признать недействительными явно фальсифицированные президентские выборы от 9 августа 2020 года и провести новые президентские выборы в соответствии с международными демократическими избирательными стандартами. Таким образом, *нет никаких оснований для упрощения цели деятельности Координационного совета*: цель не в том, чтобы пересмотреть итоги президентских выборов; цель гораздо шире – восстановить верховенство права и демократию посредством, среди прочего, достижения прекращения политических репрессий и признания недействительными явно несправедливых президентских выборов. Следовательно, также нет оснований предполагать, что

избирательное законодательство может быть применимо к Координационному совету, так как он не претендует на то, чтобы быть субъектом избирательного процесса и имеет значительно более широкое назначение. Нет никаких оснований утверждать, что Координационный совет не имеет конституционной основы для своей деятельности. Напротив, предполагается, что Координационный совет создается во исполнение свободы объединений, что гарантируется ст. 36 (ч. 1) Конституции РБ. С точки зрения ст. 4 (часть 1) и ст. 5 ч. 1 Конституции РБ Координационный совет следует рассматривать как общественное объединение, отражающее множественность политических институтов, идеологий и взглядов, как важный элемент демократии и содействия выражению политической воли граждан. В текущих обстоятельствах, создание и деятельность Координационного совета представляет собой *последнюю возможность мирной самозащиты гражданского общества от произвола официальных государственных институтов.*

Более важным является тот факт, что Координационному совету не были предоставлены полномочия, а также Совет не взял на себя полномочия по пересмотру результатов президентских выборов. Поэтому краткое заявление КСРБ о том, что Конституция РБ якобы не предусматривает создание общественных органов или ассоциаций, уполномоченных пересматривать результаты президентских выборов, не применимо в отношении Координационного совета и, следовательно, не может служить аргументом, обосновывающим заявление о *неконституционности* Совета.

Однако, что наиболее важно, *КСРБ вообще не смог обосновать заявление о неконституционности Координационного совета на фоне разрешенных конституцией ограничений основных конституционных прав и свобод*, в частности, конституционных свобод выражения мнений, собраний и объединений, которые представляют собой основу демократии. КСРБ не ссылается на конституционные положения и не толкует те нормы, которые актуальны в данном отношении. Между тем, можно сделать два важных вывода, которые, очевидно, продемонстрируют существенную несовместимость заявления КСРБ о неконституционности Координационного совета с основными конституционными принципами верховенства права, демократии и уважения прав человека. Во-первых, *заявление о не конституционности Координационного совета явно не подпадает под действие ст. 5 (ч. 3) Конституции РБ*, запрещающей создание общественных объединений, направленных на насильственное изменение конституционного строя или ведение пропаганды войны или социальной, этнической или религиозной, или расовой ненависти, в данном контексте нет оснований приписывать такую деятельность Координационному совету. Во-вторых, *заявление о неконституционности Координационного совета не соответствует общим конституционным критериям правомерности ограничения конституционных прав и свобод* - необходимость в демократическом обществе, вытекающая из ст. 23 (ч. 1) Конституции РБ, трактуемая в совокупности со ст. 1 (ч. 1), ст. 7 (ч. 1), ст. 8 (ч. 1) и ст. 21 (ч. 3) Конституции РБ (конституционные принципы верховенства права, демократии и приоритета международных обязательств). Более чем ясно, что запрет общественного органа (объединения), миссия которого состоит в защите верховенства права и демократии путем реализации конституционных прав и свобод мирными средствами, не может признаваться необходимым в демократическом обществе (напротив, можно предположить, что

деятельность таких общественных органов и объединений может рассматриваться как необходимая для функционирования демократии). Следовательно, согласно Конституции РБ, *заявление о неконституционности Координационного совета не может быть оправдано целью защиты национальной безопасности и общественного порядка, включая демократический конституционный строй.*

В целом, помимо превышения своей конституционных полномочий, установленных ст. 116 (ч. 4 и 6) Конституции РБ, КСРБ, приняв Позицию, также нарушил ряд других положений Конституции, в том числе: Ст. 1 (ч. 1), которая определяет РБ как демократическое правовое государство; Ст. 3 (ч. 1), которая устанавливает принцип суверенитета народа; Ст. 4 (ч. 1), которая устанавливает основы плюралистической демократии, включая множественность политических институтов, идеологий и взглядов; Ст. 5 (ч. 1), которая провозглашает, что общественные объединения содействуют выявлению и выражению политической воли граждан; Ст. 5 (ч. 3), которая запрещает создание общественных объединений, направленных на насильственное изменение конституционного строя или ведение пропаганды войны или социальной, этнической, религиозной или расовой ненависти; Ст. 7 (ч. 1), в которой провозглашается принцип верховенства права; Ст. 7 (ч. 2), в соответствии с которой государственные органы и должностные лица могут осуществлять свою деятельность только в пределах, установленных Конституцией и законами, принятыми в соответствии с Конституцией; Ст. 8 (ч. 1), согласно которой РБ признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие ее законодательства этим принципам; Ст. 21 (ч. 1), в которой провозглашается обеспечение прав и свобод граждан быть высшей ценностью государства; Ст. 21 (часть 3), которая обязывает государство гарантировать права и свободы граждан, закрепленные в Конституции РБ и законах и предусмотренные международными обязательствами государства; Ст. 33 (часть 1), гарантирует свободу выражения мнений; Ст. 35, гарантирующая свободу собраний; Ст. 36 (часть 1), которая гарантирует свободу объединений; Ст. 37 (ч. 1), которая предусматривает право граждан принимать участие в управлении государством; Ст. 38, которая предусматривает право граждан на всеобщие и равные выборы; Ст. 60 (часть 1), которая устанавливает право на судебную защиту компетентным, независимым и беспристрастным судом; Ст. 65, устанавливающая принцип свободных выборов; Ст. 81 (ч. 1), которая предусматривает, что Президент РБ должен быть избран непосредственно народом, на основе всеобщего, свободного, равного и прямого избирательного права и тайного голосования. Таким образом, данная Позиция может рассматриваться как серьезное нарушение основных принципов конституционного строя.

Поскольку Позиция не имеет какой-либо правовой основы, она должна восприниматься как *политическая позиция* - политический акт в поддержку г-на Лукашенко, что также доказывает полную зависимость КСРБ от указанного лица. Это естественно в связи с тем, что господин Лукашенко был фактическим лидером государства в течение последних 26 лет с чрезвычайно широкими полномочиями (что касается КСРБ, то согласно Конституции РБ (ч. 3 ст. 116) Президент назначает половину судей КСРБ (6 из 12), а другая половина назначается верхней палатой Парламента - Советом Республики, часть которого также назначается Президентом. Более того, в

сложившейся ситуации принятие Позиции КСРБ, а также аналогичных актов Центральной избирательной комиссии и Верховного суда при утверждении сфальсифицированных результатов президентских выборов и отказ в их проверке *должны расцениваться как содействие г-ну Лукашенко в узурпации государственной власти*, т.е. с точки зрения ч. 2 ст. 3 Конституции РБ - как акт, направленный на изменение конституционного строя и достижение государственной власти насильственными методами и другими нарушениями законов, что является наказуемым по закону.

Наконец, принятие соответствующей Позиции КСРБ является произвольным актом. В соответствии с общим принципом права *ex injuria jus non oritur* (незаконность не может быть источником права), данная Позиция, как явное и серьезное нарушение Конституции РБ и общего принципа верховенства права, не может повлечь никаких юридических последствий. В частности, она не может служить инструментом для легитимации официально объявленных (Центральной избирательной Комиссией) результатов президентских выборов от 9 августа 2020 года, т.е. не в состоянии легитимировать г-на Лукашенко как главу государства. Позиция также не может быть основанием для репрессий против тех белорусов, которые протестуют в связи с несправедливыми выборами и требуют проведения новых выборов. В частности, Позиция не может служить основанием для преследования членов Координационного совета или иных лиц, участвующих или связанных с деятельностью Координационного совета.

Представленное экспертное заключение отражает мою личную научную точку зрения.

Д-р Дайнюс Жалимас

Профессор Университета Миколаса Ромериса (Вильнюс)

Председатель Конституционного Суда Литовской Республики

Вильнюс, 4 октября 2020 г.